

Но лицо принца вдруг почему-то посуровело, и он ответил негромко, но твёрдо:

— Да, хороша. Но я полюбил Энид, когда увидел её в старом платье. Так пусть она в нём и предстанет перед королевой. А уж королева сама оденет её и украсит. Быть по сему!

У Энид сердечко упало при этих словах. Но, любя Герейнта, она сделала всё так, как велел принц: пошла в свои покои, сняла драгоценный подарок и вернулась в зал опять в старом, поношенном платье. И, честное слово, в этот момент не было на свете человека счастливее, чем принц Герейнт.

Утром следующего дня Гиньевра трижды поднималась на башню и глядела вдаль. Что-то подсказывало ей, что принц Герейнт сегодня обязательно вернётся, и не один, а с невестой. Вскоре она увидела вдалеке двух всадников. В одном из них королева и вправду узнала принца Герейнта, а вторым оказалась прекрасная дева в поношенных шелках. Тотчас же Гиньевра спустилась вниз к воротам и обняла Энид как самую близкую подругу.

А потом было всё, как обещал Герейнт. Гиньевра разодела Энид в дорогие наряды и украсила драгоценностями, так что дева засияла, словно солнце на летнем небе. И устроила королева Герейнту и Энид пышную свадьбу. Такую свадьбу, что весь Камелот гулял на ней целую неделю, славя королеву, принца и его прекрасную юную жену.

Несколько месяцев потом Герейнт и Энид оставались при дворе. С каждым днём они всё сильнее любили друг друга. А ещё Герейнт был счастлив оттого, что Гиньевра, всем сердцем привязавшись к Энид, не переставала её одаривать и наряжать, как первую после неё самой красавицу королевства, а Энид, отвечая королеве такой же привязанностью, поклонялась ей как самой лучшей, самой прекрасной женщине на свете.

Но ничто не длится вечно. Однажды до Герейнта дошёл слух о том, что Гиньевра не верна королю Артуру. Принц почему-то сразу же этому поверил. И стало ему страшно, что его кроткая жена за свою любовь к королеве может пострадать или навек себя запятнать. Тогда пошёл Герейнт к королю Артуру и под тем предлогом, что воры, убий-

цы и прочие беглецы от правосудия, поселившиеся неподалёку от его земель, уничтожают его поля и угоняют скот, попросил у короля дозволения вернуться в свой замок.

— Я должен защитить свои границы, — сказал он.

Артур не стал ему препятствовать.

И отправились Энид с Герейнтом в путь в сопровождении полсотни копий, и вскоре принц вступил в свои владения.

Там Герейнт полностью посвятил себя жене, целыми днями просиживал возле неё и окружал её неземным вниманием и обожанием. И забыл он обо всём, что говорил королю. И забыл про игры и турниры. И забыл об имени своём и славе. И забыл о долге пред своей страной.

Энид была ужасно удручена таким его поведением. К тому же стала она замечать, что люди смотрят на неё с усмешкой.

«Видно, моя любовь сделала его таким», — думала она, но от робости никак не могла с мужем объясниться и потому с каждым днём становилась всё печальней и печальней.

А Герейнт, заметив, как удручена его жена, решил: «Энид от меня что-то скрывает».

Однажды утром Энид проснулась прежде Герейнта и, глядя на него, такого любимого и такого потерявшегося, заплакала и горестно запричитала:

— Как мне помочь тебе, чтобы ты вновь стал истинным рыцарем? Не знаю. Боюсь, что я тебе плохая жена!

К несчастью, Герейнт проснулся как раз в тот момент, когда она произносила последнюю фразу. Услышав, как Энид назвала себя плохой женой, он, разумеется, подумал, что она тоскует по какому-то рыцарю в Камелоте. Это привело Герейнта в такое бешенство, что он вскочил с постели, бросился к сонному оруженосцу и потребовал:

— Коня и мне, и ей!

А оцепеневшей от неожиданности жене бросил:

— Я поскачу в лесную чащу, туда, где скрываются разбойники, и докажу, что мои шпоры ещё не износились, хоть многие в это уже поверили. А ты надень свой самый худший наряд и скачи вместе со мной.

Энид ничего ему не ответила, достала из комода то старое платье, в каком Герейнт впервые её увидел и полюбил, и, печально вздохнув, его надела.

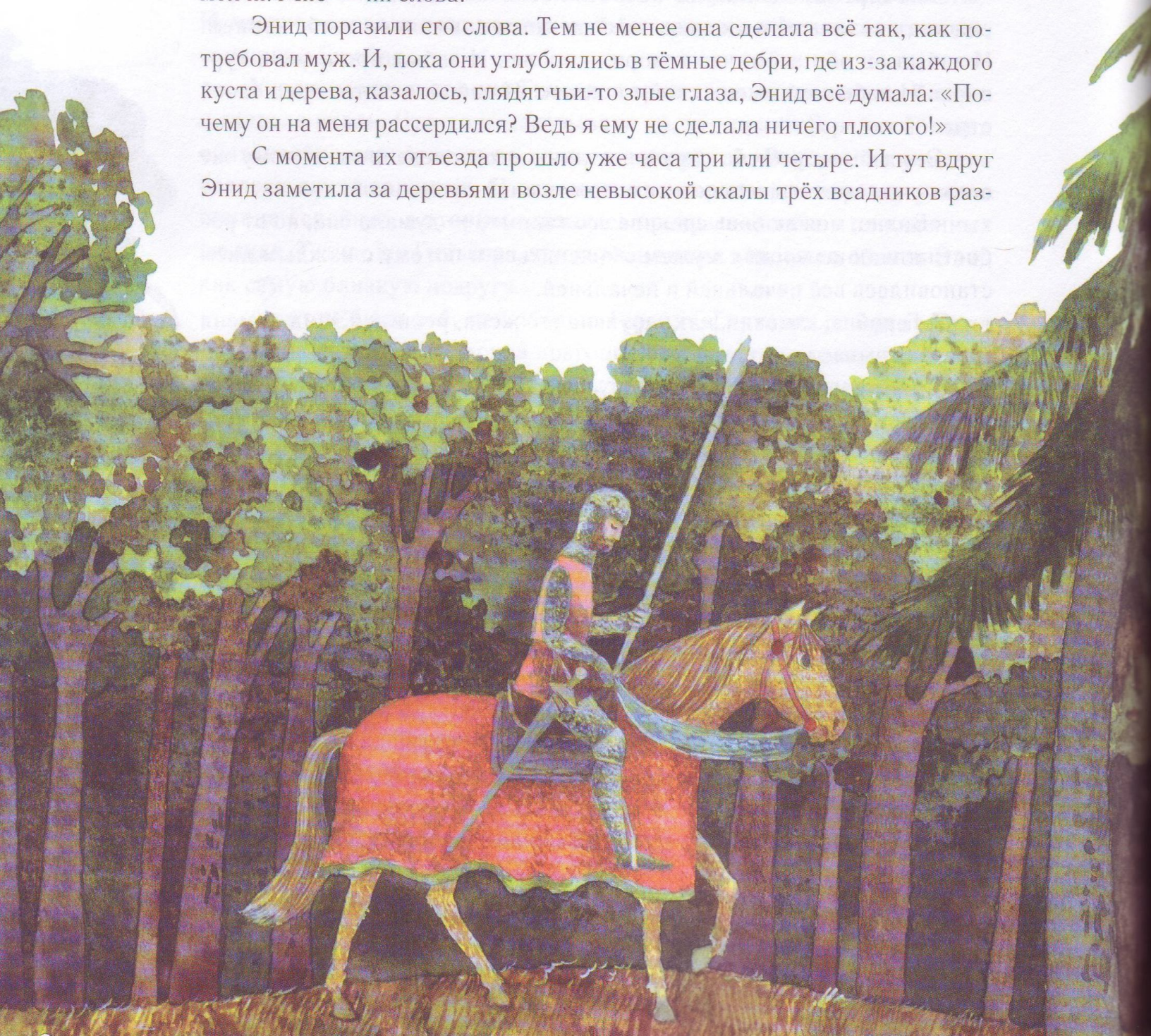
Вскоре выехали они из замка и, перейдя реку, поскакали по полям, по вересковым пустошам и наконец ступили на тропу, ведущую в лес.

Тут Герейнт снова бросил жене:

— Скачи вперёд и держись от меня подальше! И что бы ни случилось, молчи. Мне — ни слова!

Энид поразили его слова. Тем не менее она сделала всё так, как потребовал муж. И, пока они углублялись в тёмные дебри, где из-за каждого куста и дерева, казалось, глядят чьи-то злые глаза, Энид всё думала: «Почему он на меня рассердился? Ведь я ему не сделала ничего плохого!»

С момента их отъезда прошло уже часа три или четыре. И тут вдруг Энид заметила за деревьями возле невысокой скалы трёх всадников раз-

бойного вида. Всадники были хорошо вооружены. Энид услышала, как один из них сказал довольно громко:

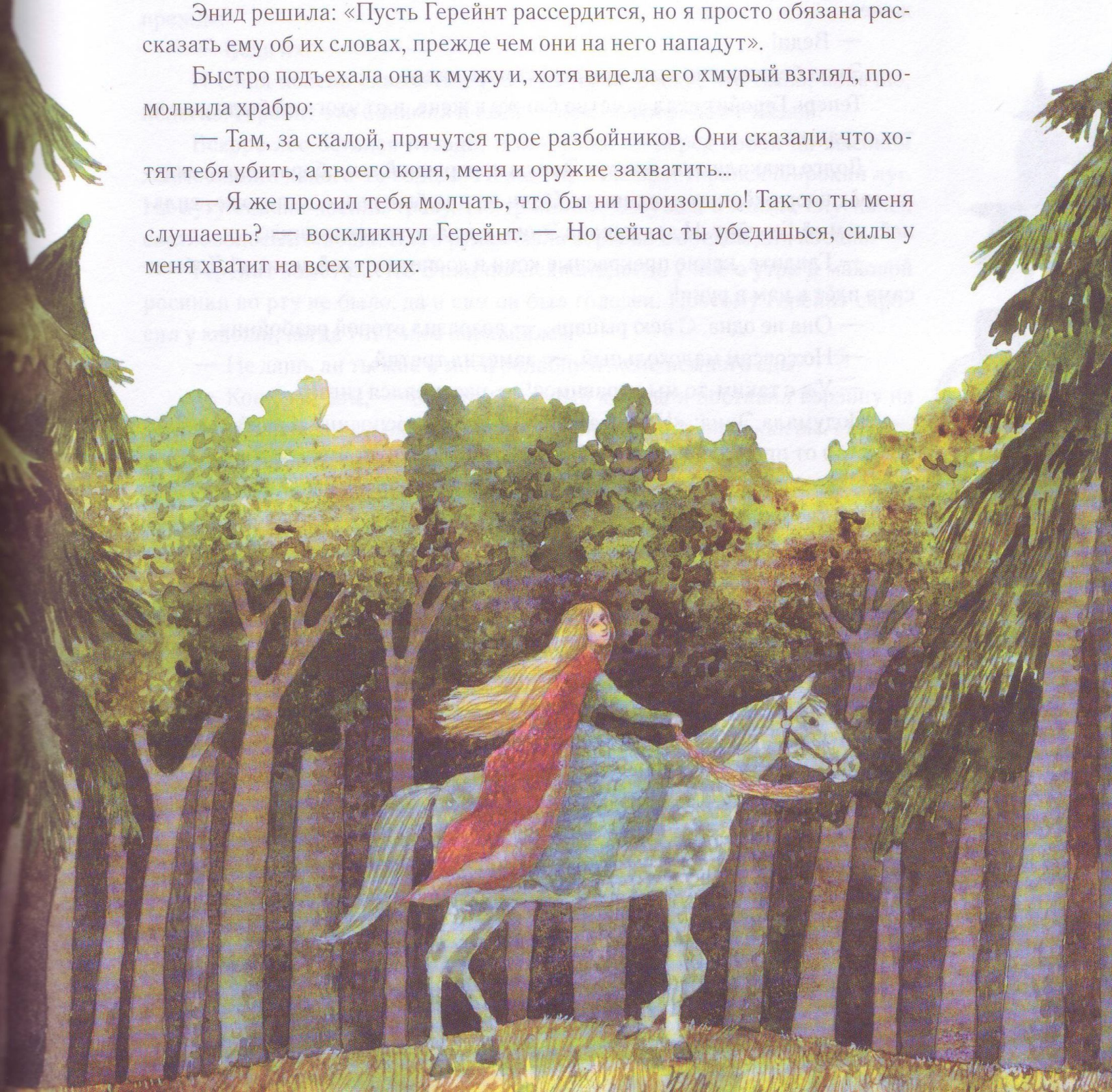
— Поглядите на того увальня с поникшей башкой. Он, кажись, не храбрей, чем побитый пёс. Давайте его убьём, а коня, оружие и девицу заберём себе.

Энид решила: «Пусть Герейнт рассердится, но я просто обязана рассказать ему об их словах, прежде чем они на него нападут».

Быстро подъехала она к мужу и, хотя видела его хмурый взгляд, промолвила храбро:

— Там, за скалой, спрячутся трое разбойников. Они сказали, что хотят тебя убить, а твоего коня, меня и оружие захватить...

— Я же просил тебя молчать, что бы ни произошло! Так-то ты меня слушаешь? — воскликнул Герейнт. — Но сейчас ты убедишься, силы у меня хватит на всех троих.

Энид побледнела и замерла в ожидании.

Вскоре разбойники напали на Герейнта, и принц по локоть вонзил своё копьё в грудь одного из них, а затем двумя быстрыми ударами меча сокрушил и остальных. Тогда он спешился, снял с убитых доспехи, забросил доспехи на коней, предварительно связав у коней поводья, и приказал жене:

— Веди!

Энид безропотно повела коней сквозь чащу.

Теперь Герейнт ехал заметно ближе к жене, и от этого ей было уже не так страшно.

Долго скакали они, и вдруг Энид в прозрачной тени бора снова увидела трёх вооружённых всадников. Один из них был выше и, похоже, сильнее, чем её Герейнт. И задрожала Энид, когда тот воскликнул:

— Смотрите, какие прекрасные кони и доспехи у этой девицы! Добыча сама идёт к нам в руки!

— Она не одна. С нею рыцарь, — возразил второй разбойник.

— Но совсем малохольный, — заметил третий.

— Уж с таким-то мы справимся! — рассмеялся гигант.

Подумала Энид: «Надо рассказать моему господину о разбойниках. Он устал от прошлой схватки. Нельзя, чтобы его застали врасплох».

И, дождавшись, когда Герейнт к ней подъехал, она вновь промолвила тихо, но твёрдо:

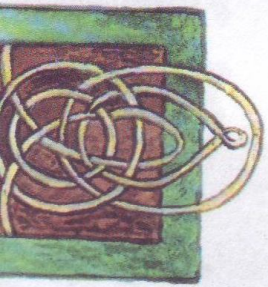
— За теми деревьями притаились трое злодеев. И самый сильный из них сказал, что с тобою расправится.

Герейнт процедил сквозь зубы:

— Даже если бы их была сотня, их слова меня разозлили бы меньше, чем твои. Ты опять меня ослушалась. Отойди в сторону и, если я погибну, останься с тем из троих, кто получше.

И сошла Энид с тропы в сторону, не смея наблюдать за боем, и только тяжело вздыхала и молилась за своего Герейнта.

Меж тем гигант налетел на принца, но его копьё, к счастью, не попало принцу в шлем. Зато копьё Герейнта пробило крепкую броню гиганта, и тот рухнул на землю как подкошенный. Двое его сообщников, увидев, что их главарь погиб, остановились. Но принц издал такой воинственный

крик и с такой яростью бросился на них, что разбойники повернули коней и помчались прочь. Однако уйти от принца им не удалось. Герейнт их настиг и убил.

Затем он спешился, снял с мёртвых злодеев доспехи, погрузил доспехи на коней и, связав у коней поводья, сказал Энид, как уже говорил прежде:

— Веди их!

И Энид повела сквозь лес уже шестерых коней, что было, конечно, нелегко. Герейнт это понимал и ехал теперь почти рядом с женой.

Вскоре лес остался позади, и они увидели перед собой на высоком холме башни какого-то города. Перед городом простирался широкий луг. На лугу селяне косили траву. По тропинке, бегущей с холма, спускался светловолосый юноша. В его руках была корзина с обедом для косцов.

Герейнт заметил, что Энид побледнела, ведь у неё с утра и маковой росинки во рту не было, да и сам он был голоден. Поэтому Герейнт спросил у юноши, когда тот с ним поравнялся:

— Не дашь ли ты мне и моей ослабшей жене немного еды?

— Конечно, дам, — ответил славный юноша и поставил корзину на землю. — Правда, еда наша простая, не для таких господ, как вы. Но подкрепиться вы сможете.

Энид его поблагодарила, однако к еде едва притронулась. Зато Герейнт неожиданно для самого себя съел всё, что было в корзине. Увидев испуганные глаза юноши, он впервые за день улыбнулся и сказал:

— Я тебя, мальчик, не обижу. Возьми в уплату за обед коня с доспехами. Да не стесняйся, возьми лучшего.

Тот даже порозовел от восторга и, уводя коня, уже представлял себе, как поскачет на нём, словно настоящий рыцарь.

А Герейнт и Энид поскакали дальше и вскоре оказались в деревушке, что стояла на краю широкого поля. Там в крохотной сельской гостинице они и остановились на ночлег. Но не знали они, что и город, и деревушка, и поля вокруг — всё-всё принадлежит графу Лиморсу, развратнику и пьянице, который ещё до принца Герейнта сватался к Энид, но получил отказ.

От своих людей граф Лиморс, как всегда в это время бражничавший, узнал, что Энид, которой он когда-то добивался, находится с мужем в его

владениях. И решил он напасть на них с утра, когда они ещё будут спать, и взять Энид силой, а её мужа убить.

Ночью Герейнту и Энид спалось плохо. Поэтому поднялись они рано и, отдав хозяину гостиницы за постель и скромный завтрак пятерых коней с доспехами, что было, конечно, слишком щедрой платой, поскакали вперёд, туда, где виднелся впереди дремучий лес.

А безумный граф, не застав их в гостинице, бросился со своими не слишком трезвыми дружками за ними вдогонку.

Когда Энид услышала позади себя цокот множества копыт, она обернулась и разглядела в клубах пыли мерцающие копыта и безумное лицо Лиморса. Тогда, чтобы предостеречь Герейнта и всё же его не послушаться, Энид подъехала к мужу и молча указала рукой назад. Герейнт был доволен, что Энид сдержала данное ему слово, и повернул коня вспять. В то же мгновение разгорячённый Лиморс направил к нему своего скакуна. Рыцарь принял бой. Подпустив врага на расстояние длины копыта, он сбросил Лиморса на землю и прикончил ударом меча. Затем Герейнт уложил ещё одного преследователя и храбро бросился на остальных, стоящих чуть поодаль. От такого его могучего натиска собутельники Лиморса тотчас в ужасе бежали, оставив мёртвого графа прямо на дороге. А кони павших, позабыв своих хозяев, ускакали вслед за бегущими.

И вновь Герейнт и Энид пустились в путь. Энид ехала чуть впереди мужа и поэтому не видела, что принц едет не слишком-то уверенно. Ему мешала рана, которую он получил, сражаясь с приятелем Лиморса. Герейнт под панцирем истекал кровью, но сам он едва ли понимал, что с ним. Наконец глаза рыцаря потускнели, шлем на голове качнулся, и на крутом повороте дороги принц молча упал с коня, по счастью, на мягкий дёрн.

Энид услышала звук падения и, побелев, поскакала к мужу. Спешившись, она сняла с него шлем, расстегнула застёжки на его доспехах и, отыскав рану, перевязала её своим шёлковым покрывалом. Герейнт лежал неподвижно. Только слабое дыхание показывало, что он ещё жив. И Энид вдруг ощутила такую пустоту, что села прямо на дорогу и зарыдала.

Её конь, почувствовав слабость хозяйки, рванулся в сторону и скрылся в ближайшей роще. Но конь принца и ухом не повёл. Он остался верен своему господину.

Ближе к полудню проезжал по дороге хозяин этих мест граф Дурм с отрядом в сотню копий. Увидев Энид, рыдающую над телом Герейнта, он поскакал к ней с криком:

— Что, он умер?

— Нет-нет, мой муж не умер, — ответила Энид. — Я это точно знаю. Помогите мне перенести его в тень.

— Коль он не умер, что ж ты плачешь? — раздражённо сказал граф Дурм. Но всё же очарование Энид заставило его смягчиться, и он приказал двум здоровенным копьеносцам перенести принца в свой замок, что те и сделали. А преданный конь Герейнта сам следовал за ними.

Копьеносцы уложили Герейнта на дубовую скамью в обеденном зале замка и ушли. А Энид, усевшись у изголовья мужа, грела ладонями его ледяные руки и, плача, молила не оставлять её.

Спустя несколько часов Герейнт очнулся и увидел рядом с собою заплаканную Энид. И вдруг он понял: «Она рыдает по мне». Но он продолжал притворяться мёртвым, желая испытать жену в последний раз.

Когда стемнело, в замок возвратился граф Дурм и сразу же крикнул, чтобы ему подали ужин. Многие его воины и впорхнувшие в зал женщины в разноцветных богатых одеждах уселись вместе с ним за огромный стол, но про Энид не вспомнил никто. Долго пировали они. Наконец граф Дурм наелся, напился и, обведя мутным взором зал, вдруг заметил в дальнем углу печальную девицу, ту самую, что рыдала с утра над своим раненым господином. Девица была хороша собой. Граф почувствовал, что его к ней так и тянет.

— Прекрати рыдать, — вставая и пошатываясь, сказал он ей. — Лучше съешь что-нибудь и развеселись. Тогда, может быть, я женюсь на тебе и разделю с тобой своё графство!

Не поднимая головы, Энид ответила:

— Прошу вас, оставьте меня. Мой муж совсем плох.

Но она прошептала это так тихо, что граф, не расслышав, подумал, что Энид его благодарит, и потому кивнул:

— Ладно! Ешь и будь довольна. Теперь я считаю тебя своей!

— Как могу я быть довольна, если мой любимый не встаёт и не глядит на меня? — возразила она.

Её слова разозлили графа. Неожиданно схватив Энид за руку, он силком усадил её за стол, подтолкнул к ней блюдо с жареным барашком и гаркнул:

— Ешь!

— Нет! — вновь со всей решительностью сказала Энид. — Я не прикоснусь к еде, пока он не встанет и не поест вместе со мной!

— Тогда выпей!

И граф поднёс кубок с вином к её губам.

— Клянусь Всевышним! — воскликнула она, отталкивая кубок. — Я не выпью, пока господин мой не встанет и не выпьет вместе со мной! А если этого не случится, я больше не взгляну на вино до самой смерти.

От ярости граф залился краской и, кусая губы, стал ходить по залу. Наконец, приблизившись к Энид, он процедил сквозь зубы:

— Ладно, не ешь и не пей. Но своё старое тряпье ты всё равно снимешь. Я сказал!

И он трижды хлопнул в ладоши.

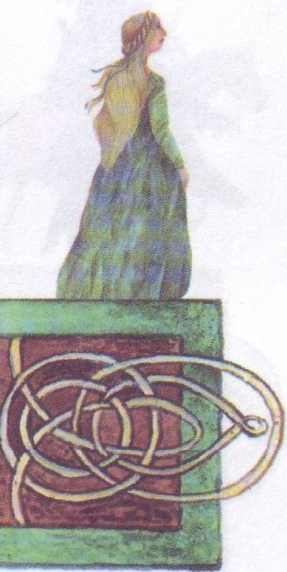
Тут же одна из придворных дам развернула перед Энид великолепный шёлковый наряд. Наряд этот переливался всеми цветами радуги и был усыпан понизу сверкающими драгоценными камнями.

Но Энид вымолвила жёстко, жёстче, чем можно было ожидать от такой молодой и хрупкой женщины:

— В этом тряпье мой господин впервые меня увидел и полюбил. В этом тряпье я поскакала ко двору и предстала перед королевой. В этом тряпье муж повелел мне быть, когда мы отправились в наше ужасное путешествие. И в этом тряпье я останусь до тех пор, пока муж не встанет и не прикажет, чтобы я его сняла.

Такие речи привели графа Дурма в бешенство. Подскочив к Энид, он воскликнул в гневе: «Но уж это ты от меня примешь!» — и совсем не по-рыцарски ударил её по щеке.

«Он бы никогда не осмелился меня ударить, если бы не был уверен, что мой господин мёртв», — подумала Энид и от полной своей беззащитности закричала, да так горько и истощно, что Герейнт, услышав её крик, схватил меч, лежавший рядом с ним, и, резко прыгнув, одним

ударом отрубил графу Дурму голову. Так погиб граф Дурм, сражённый тем, кого считал умершим.

А все его придворные рыцари и дамы, увидев, что мёртвый встал, решили, что перед ними призрак, и бросились в страхе наутёк. Герейнт и Энид остались одни. Но и они вскоре покинули страшный замок и на верном коне принца поскакали назад, в свои владения.

С тех пор Герейнт доверял жене во всём, ибо знал, что нет на свете женщины более верной, чем она.

А подданные принца, узнав о его рыцарских подвигах, больше никогда не глядели на него с насмешкой. Более того, Герейнт так твёрдо стоял на стороне закона и судил так умело и честно, что в народе стали его называть Герейнт Справедливый. А Энид, которую при дворе все звали Энид Прекрасная, благодарный люд именовал с любовью Энид Добрая.

